

Елена Скобелева

В ОРМЕТАХ

Лимонские эмали расписаны,
Колена обличны, облака ленины,
И сборище апостолов, похожих
На ссорящихся пекарей Амьона.
Рука Марии, синий плодово,,
И сиреневый, горемечный, как Натаны.
Кабан косматый предвкушает смерть,
Принцесс под градом золотых узлов
Звезд копьеносных и коротких коней
К земле, на холмах обливших которой
"Любить", "заманивать", "дешить" и "смерть"
От многократных обжигов сплавились
В зеленом и славном постоянстве
Блестящих чаш из грубого фарфора.

• • •

Все кажется, что жизнь начинается завтра,
Затем что жизнь не может не начаться,
И можно показать терпением Богу,
Что жаль умреть ты, и что пора
Тебя за это жизнь - сочтакнить.
На самом деле - жизнь твоя проходит.
Бо пути прости и непредсказуемы,
Она ни разу жертвы не отвергла,
Но жертвующих - отвергает жизнь.
И они уходят в горло Иссака,
И Авраам уходит с места жертвы,
Юлии, рук своих не узнавай,
Затем что страх Господень перенутан
С тем страхом, что господствует в чуме,
И захотел от страха - откупиться.
Он откупился. Сни его безводник.
Он не услышит большие голосов.
Бес民族文化 - извечный путь терпения.

Обесцеленный слон
В крепостной превращается вол,
Соковым трулом
Изготовлены мокрые рощи,
Ты разбился затем,
Чтобы тот, кто тебя формовал,
Мог прачумать модель
Совершенной, наложной и преле.

Созерцается память,
Да это единственный бод,
Где предатель — изоражник
И каждый исход уготован.
Ты бессылем отречься;
Оно созерцает тобой,
Созревает в тебе ..
И восходит из боли другого.

Созерцается память!
Реторты ее — города,
Возбужтели — воини ..
И светом запылены колы.
И стоит в чечевицах Спинозы
Большая вода.
И сирейская моль
Неподражной творящей природы.

И в когтистых деревушках —
— Единство блаженник и птиц,
И в иссеченных стенах — ..
— Что есть незаменимый свидетель.

Созерцается память!
И зерна из древних гробниц
Копьевидные воины
Лают через треста столетий
На земле колчеватой,
А дым обесцеленный твой
И боязньная нахность
Уходит в густые глубины.
Отлагается память!

Оно испитало тобой,
И вобрало тебя,
И сплотило в четенках с другими.

Твой немилый синт,
Оставил тебе пустоту,
И, как ветром, коснувшись
Бородки пыханьем свободы,
И опять отпустило
Капывать Богом тщету
И тебе — тщетой —
Капывать тщество с Богом.

Так себя распахни,
Ебо только издавленный страх
Чистотой именует,
И только слание незини,
И ступай по водам,
И барахтайся в кромкое правы,
Помогая тому,
Что заложено в иами глубини.

А когда ощутишь
Себя тверды и горячкой тела,
То у крова спроси,
Да ответствует корок сухой,
Что от века стоит,
Что крепки коприступные стени
Соловьевны трудом.
И спасеньею искалечной тоской.

• • •

Свободой спротетва,
Неверной, как питерский климат,
Лиму, скисал,
По-итальянски вкушай тепло;
И снова деревья
Новерят и хосмы развязнут,
Промокшие хосмы,
В которые солнце можети вплело

На влажной планете,
Где можно смеяться звуками,
Любить голубей,
Носко и журчанье пространье,
Вить аурой утром,
А вечером — медленным комом
Ложей и томлений,
В которых скитаешься ты,
С кем хлеб не делали,
Не пали и не были бледны,
Сквозь прозрачный холст
Не умел ладони прошить,
Не так покинувши
Богдым немылись, как бледны
Меняются лентами
Света в прозрачной воде;
С кем были как скрудни —
— Слова, и на зыбкость ступней
Вошься ступить,
А придомники — смеется струи...
Свобода скротства...
Но дутами светлых сплетений
Бездонная пустота,
Бездонная пустота моя
Ложится на плечи тебе
И тебя оплетает, любимый.

СТАНОК ОКРАИН.

Ложа в разоватом свете,
и многоголовый ком,
и в школу шагают кети,
и голени их худы,
зар ноги золотых цапель
над халтой сухой травой,
а кими, слеты в штаны,
вздохнут на свой привор,

разлив, как фату — известь,
кухонную занавеску.

Окраина — род бумаги,
где краски всегда плавут.
От земной и влажной здрави
трамвайный бесформен лим.
Соленный запах отбросов.
Не жизнь, но ее макет.
Окраина — это способ
жить, если жизни нет.
Окраина — грязный паклян,
волна, извив и вага.

Окрайной правят осень
в самую развесну.
Безвременецем здесь заносит,
клевит к куриному сну,
и язвы тонерий остав
тебя укрепляет в том,
что человек — не остров,
но крупноблоочный хом:
на арматуре — темны
веснующего бетона.

Окраина — место встречи
биты с небытием.
Здесь вели пустотой замечки,
заначен личьем-битьем.
И струны здесь разут под вечер,
словно киньем в гробу,
извирют покрошки в вечность
проклятье или мольбу.
Времени нет. Пространство
и пасмушки — беспристрастно.

Дома в прозрачном свете,
и многокупольный лим.
На склоне нагают дети
и голени их худы.
Лежит окраина щами.

Воздух пахок на воресь.
Никого мы обещали,
Ну а подождем — здесь,
не разорвав завесы
серных дождей над лесом.
